

ЛАОМЕДОНТ – ЭПИКЛЕЗА ПОСЕЙДОНА?
(к разночтениям в ст. 157 «Александры» Ликофрона)*

Случай, который мы намерены разобрать, представляет интереснейший пример спора между формальным текстологическим анализом, говорящим в пользу восстановления неизвестной окказиональной эпиклезы Посейдона, и здравым смыслом, низводящим это чтение до ранга простой ошибки. Особенно поучительно, что в этом примере специфика поэтического языка как таковая скорее способна объединиться с формальной текстологией против обыденного здравомыслия филолога. Указанное в заглавии место из знаменитой «темной поэмы», имитирующей на протяжении около 1500 стихов со всем блеском версификационной и мифографической культуры пророческий бред заточенной в каменном склепе Кассандры, привлекло наше внимание в ходе занятий легендарно-мифологической историей древней Трояды. Это строка из пассажа, посвященного юности Пелопса и его переселению из Малой Азии в Грецию – в элейскую Летрину, где после колесничного состязания с Эномаем он получает руку Гипподамии и царство (ст. 153–167). Минимальный синтаксически законченный микроконтекст гласит (ст. 156–158):

hon de dis hēbēsanta cai baryn pothon
phygonta Naumedontos harpactērion
esteil' Erechtheys eis Letrinaioys gyas

«...которого, дважды возмужавшего и бежавшего от тяжелой, хищной страсти Навмедонта, Эрехтей послал в Летринейские поля». Эпитет «дважды возмужавший» здесь мотивирован предыдущим упоминанием о временной смерти юного Пелопса, поданного на стол богам на пире Тантала (ст. 153–155). Под Эрехтеем, посылающим Пелопса в путь, обе парафразы «Александры» (списки Coislinianus 345 и Vaticanus 1307) понимают Зевса, в то время как схолии и комментарий И. Цеца колеблются между Зевсом и Посейдоном (ср. Pind. 01. I 70–89). Зато слова о «хищной страсти Навмедонта», которыми мы намерены заняться в нашей заметке, решительно вся комментаторская традиция единогласно относит к общеизвестному мифу о похищении Посейдоном любимого им Пелопса (Pind. Ibid. 25–50; Apd. Ep. 2, 3; Hyg. fab. 83; Philostr. Imag. I 17 и др.). Правда, эпиклеза «Навмедонт» нигде больше не

* Опубликовано в кн.: Античность в контексте современности / Под ред. А.А. Тахо-Годи и И. М. Нахова. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 252 с.

зафиксирована, но, во-первых, уникальность эпiklez не редкость для эрудита Ликофрона, а, во-вторых, именование морского бога «Владыкой кораблей» – едва ли не прозрачный случай в системе изоощренной ликофроновской номинации, легко вписывающийся в длинный ряд обозначений этого божества «повелителем кораблей» (Pind. Pyth. IV 207; *despotēs naōn*; ср. в комментарии Цеца к рассматриваемому месту, Müller, I 415; *Naymedontos ... toy tōn neōn medontos*) и «владыкой моря» (Pind. Ol. VI 103; Aesch. Sept. 130, Eur. Hip. 740, IG. I² 706: *pontomedōn*; Ars. Thesm. 322: *halimedōn*; Nonn. XXI 95: *thalassomedōn*; Nonn. XXXI 57; XXXVII 163, 310; XL 347, 529; XLII 110: *hygromedōn*; Orph. hymn. 17, II 7: *pontocratōr*)¹. Таким образом, данный случай не представлял бы ни серьезных затруднений, ни особого интереса, если бы не форма *Laumedontos*, появляющаяся в списках «Александров» и фиксируемая в изданиях на правах разночтения (ст. 157).

Сама возможность появления такой формы в пересказе мифа о похищении Пелопса по праву должна насторожить исследователя, занимающегося троянскими легендами. Прежде всего, это несомненный вариант к *Laomedōn*, известному прежде всего как имя величайшего из легендарных царей Илиона, строителя илионской стены; в частности, ряд списков Ликофрона дает именно *Laumedōn* (обычно принимаемое за основное чтение) для ст. 952, где говорится об изгнании Лаомедонтом в море дочерей Фойнодаманта, которых отец отказался принести в жертву Посейдону. С другой стороны, обращение к источникам обнаруживает прямую связь Пелопса с областями, прилегающими к рубежам древней Троады, а вместе с тем – характерное для легендарной традиции отнесение рассказа о его уходе из Малой Азии на полуостров, получивший в последующем его имя, к эпохе возвышения Илиона и постулируемого подпадения «Пелопсовых» областей под власть илионских царей. Традиция знает Пелопса как лидийца (Pind. Ol. I 24; IX 9 и др.), или фригийца (Herod. VII 8; Vascyl. VIII 31), или, наконец, пафлагонца (Istr. FHG I 426; Diod. IV 74); ср. у Цеца в комментарии к ст. 158 Ликофрона (Müller, I 421): «Послал его [Эрехтей] из Лидии или, согласно некоторым, из Пафлагонии». Итак, Пелопс – герой из местностей, не просто окружающих Троаду (как бы «подковой»), но частично даже включающих ее (Фригия). На юге самой Троады Килл – эпоним поселения Киллы, знаменитого святилищем Аполлона, – славился не только как древний местный царь, но и как возница Пелопса (Schol. A. Il. I 38; Schol. Eur. Or. 990; Paus. V 10, 7, ср. Strab. XIII 613 со ссылкой на Деметрия Скепсийского). Отсюда понятно и позднейшее

¹ Обзор см.: Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. Bd. 2. S. 1141, 1144, 1158; Wüst E. Poseidon//Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1953. Hbd. 43. Kol. 493–504.

поэтическое наименование Пелопса дарданцем, то есть прямо выходцем из Трояды (Sen. Her. fug. 1172). Данный круг представлений дополняется рассказом об изгнании Пелопса победившим Илом (Paus. II 23, 3; Diod. IV 74; Nic. Damasc. FGrH II 10). Эта версия освещает любопытнейший аспект истории Троянской войны, непросто часто упускаемый из виду: осада крупнейшего троянского центра Атридами имеет в предании явственно ощутимый смысл возвращения их на землю предков, возможно, даже реванша за изгнание прародителя Пелопса; ср. версию о привозе кости Пелопса под стены Илиона как о необходимом условии взятия города (Ard. ep. 5, 10; Paus. V 13, 4; ср. Lycophr. Alex. 53 сл. – слова о Трое, сожженной «пребывающими в Летрине остатками от погребального костра Танталова сына» и схолии к этому месту). Именно связь рассказа о бегстве Пелопса с мифологической историей первых правителей Илиона привлекла наше внимание к тем спискам «Александров», где форма, тождественная имени троянского царя («Владыки народа»), появляется на месте, казалось бы, естественного прозвища Посейдона – «Владыки кораблей» в контексте рассказа о любви бога к Пелопсу (кстати, давно отмечалось, что сам этот мотив, представляя точную параллель к рассказу о похищении Зевсом Ганимеда, мог возникнуть под воздействием и по образу троянских сказаний)².

В первую очередь необходимо было решить сугубо текстологическую задачу – оценить статус данного разночтения в рукописной традиции «Александров» и достоверность его отсева в качестве ошибки. Парадоксальным образом при ближайшем знакомстве с текстологической историей поэмы обнаруживается отсутствие сколько-нибудь веских формальных причин для неприятия Laumedontos как основного чтения данного места. Более того, корректное следование общепринятой после фундаментальных разработок Э. Шеера³ процедуре ликофоновской критики, казалось бы, должно дать именно этому варианту наиболее серьезные шансы быть включенным в основной текст изданий Ликофрона.

Как детально показал Шеер, все списки Ликофрона достаточно четко распадаются на два класса, противопоставленных по целому ряду диагностических разночтений. Первый класс представлен тремя списками X– XI вв., то есть появившимися до составления комментария Цеца и содержащими в двух вариантах (разнесенном по стихам или даваемом целиком в конце текста) старинную парафразу «Александров», восходящую, по мысли Шеера, к писавшему на рубеже нашей эры комментатору

² Scherling K. Pelops//Paul's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Suppl. VII, Kol. 851 (вслед за У. фон Виламовицем-Мёллендорфом и др.), ср. Kol. 858 (отражение сюжетов похищения Пелопса и Ганимеда в изобразительном искусстве).

³ Scheer E. Die Überlieferung der Alexandra des Lycophron//Rheinisches Museum für Philologie. 1879. 34. S. 272–291; 442–473.

Ликофрона Феону⁴. Напротив, многочисленные списки второго класса – все позднейшие (не раньше XIII в.), не содержат никаких следов парафразы, зато снабжены комментарием Цеца и, по-видимому, восходят к некоей ранней рукописи этого класса, прошедшей его же редакцию⁵. Несмотря на сохранение отдельных древнейших чтений (выявляющихся при исключительных совпадениях свидетельств этих списков со схолиями, содержащимися в лучшем списке первого класса, каковым считается Marcianus 476, он же Venetus LXX 3, составленный диаконом, позднее митрополитом Никитой из Серр), этот класс характеризуется столь многочисленными конъектурами и прямыми ошибками, что даже лучшие из принадлежащих к нему рукописей – Parisinus 2723, Parisinus 2403 и др. – при выборе чтений привлекаются лишь во вторую очередь.

Однако, чтобы сразу покончить со списками этого класса, в которых однообразно фиксируется Naumedontos, отметим, что в данном случае их независимо от качества едва ли следует привлекать даже и во вторую очередь: в том, что касается написания сомнительных мифологических имен, они всецело (если не считать описок) контролируются пронизывающим их комментарием Цеца, где читаем {к ст. 157, Müller, I 415): «...бежавшего от хищной страсти Навмедонта, то есть Посейдона, владыки кораблей, даже если некоторые (sc. рукописи. – В. Ц.) имеют описку (metagraphicon ptaisma) Laumedontos». Картина ясна: комментатору известно наличие по крайней мере двух чтений, но, предпочитая видеть в тексте семантически прозрачное и подкрепленное множеством литературных аналогий имя Посейдона – «Владыки кораблей», Цец сводит неудобное {ибо непонятное) ему чтение к описке и своим авторитетом элиминирует его из позднейшей рукописной традиции.

Спрашивается, как обстояло дело в источниках, от которых отталкивался Цец? Многочисленные и обширные текстуальные совпадения между его комментариями и более ранними схолиями марцианского списка еще в начале XIX в. отмечал Л. Себастьян, по этой причине ошибочно не признававший никакой ценности за старыми схолиями, якобы полностью растворенными в труде знаменитого комментатора (ср. Praefatio Sebastiani – Müller, LI–LVI). Э. Шеер, напротив, сделал акцент на расхождениях между Цецем и марцианскими схолиями, утверждая использование первым особого варианта схолий, хотя и близкородственного марцианскому (и отмечая особую трудность тех случаев, когда Цец сознательно полемичен по отношению к

⁴ Scheer E. Op. cit. S. 273; ср.: Scheer E. Theon und Sextion. Programme Salembrae, 1902; Ziegler K. Lykophron//Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Hbd. 26. Kol. 2352.

⁵ Scheer E. Die Überlieferung... S. 441–448.

предшественникам⁶). Само же это родство сомнений не вызывает. Тем разительнее расхождение между Цецем и схолиями, где находим следующее (к ст. 157): *Laymedontos, toy Poseidōnos, ēra gar aytoy cai harpaxai ethelen. Ē Naymedontos toy tōn neōn basileos. E Lamedontos toy halimedontos cata synaliphēn.* «Лавмедонта, Посейдона, ибо любил его и хотел похитить. Или Навмедонта, царя кораблей, Или Ламедонта, владыки моря, по стяжению слогов»⁷. Схолиаст исходит из формы «Лавмедонт» как данной в тексте. Тождество влюбленного в Пелопса «Лавмедонта» с Посейдоном для него очевидно, но комментариив к этому основному чтению он не дает – вероятно, его мотивировка схолиасту уже непонятна. Вариант «Ламедонт» он пытается рассмотреть отдельно, приписав ему самостоятельное толкование (по сближению с известной эпиклезой *halimedōn*, см. выше). Форма «Навмедонт» учитывается в том же ряду искаженных форм, якобы проливающих свет на непонятное основное чтение. Не исключено, что схолии, использованные Цецем, действительно в этом месте расходились с марцианскими – форма «Ламедонт» ему явно незнакома. Но в резкой перестановке акцентов (утверждение вспомогательного, виртуального чтения из схолий в качестве основного и, напротив, отбрасывание основного как «описки») и в самом тоне реплики («даже если некоторые имеют описку...») мы скорее склонны усматривать полемический вклад Цеца.

Теперь пора обратиться к архаичным спискам первого класса, на которые в основном опирается критика ликофроновского текста. Это прежде всего уже названный *Marcianus 476* (XI в.); далее переписанный с одного из его апографов *Vaticanus 307*, служащий в основном уточнению затемненных правкой чтений в протографе; наконец при наличии сомнений, не проясняемых апографом (в частности, относящихся к более ранней истории текста), привлекается старейший список X в. *Coislinianus 345*, изобилующий искажениями (*omnium... vitiorum exempla in hoc libro invenias* – по характеристике Л. Масчалино⁸), но, несомненно, представляющий самостоятельную ветвь данного класса.

Что же мы имеем в нашем случае? Составитель марцианского списка написал *Laymedontos*. Позже, видимо, под влиянием схолий, он дополнительно обозначил вариант *Naymedontos*. Апограф в данном случае явно бесполезен, *Coislinianus 345* дает *Lamedontos*. Как показывает Шеер на примере ст. 952, написание *Lamedōn* вместо *Laymedōn* – обычная девиация, независимо возникающая в разных местах и разных

⁶ Ibid. S. 444 f.

⁷ На основании этого места Э. Вюст (Op. cit. Kol. 478) причислил Лаомедонта к любимцам Посейдона. По это явная ошибка: в схолии говорится не о Лаомедонте как самостоятельном персонаже, а об имени Посейдона, влюбленного в Пелопса.

⁸ Mascialino L. Praefatio//Lykophronis Alexandra/Ed. L. Mascialino. Lipsiae, 1964. P. 5 sp.

списках «Александры» (замечательно, что в последнем случае она появляется в лучшем списке Marcianus 476 и лишь полная изолированность этого чтения позволяет считать его ошибочным)⁹. Итак, для обоих вариантов архетипа первого класса восстанавливается исходная форма Laumedontos, которую считают основной и старые схолии. В последних, однако, наряду с реально засвидетельствованной опиской Lamedontos, дающей повод для этимологических спекуляций, появляется столь же спекулятивно «мотивированное» имя «царя кораблей». Никита из Серр счел эту конъектуру удачной и дополнительно внес ее в текст списка Marcianus 476 на правах варианта. Отсюда она перешла в апографы, а из какого-то списка схолий – к Цецу, который ее и канонизировал.

Ясно, что в ранних (по крайней мере XI в.) схолиях и списках поэмы сталкиваются два чтения: немотивированное, архаичное, но живущее в старых рукописях конца I тысячелетия даже в двух вариантах *lectio difficilior* и постепенно утверждающееся, в частности, в списках второго класса *lectio facilior*. Шеер пытается возвести эти разночтения к общему архетипу обоих классов (VIII–IX вв.), якобы выполненному минускулом с неразборчивым начертанием первой буквы¹⁰. Это объяснение остроумно, но само по себе оно не предрешает выбора истинного чтения; скорее, оно лишь намечает ситуацию, в которой переписчик оказывался перед выбором, всецело решаемым его компетенцией; последняя же могла подсказать ему лишь то, что Навмедонт – хорошее имя для Посейдона, а Лаомедонт – совершенно иной мифологический персонаж, каковому явно не место в данном контексте... Почему же Шеер сам так упорно, несколько раз возвращаясь к этому месту, держался за *lectio facilior* и помимо формального текстологического анализа и вопреки его результатам причислял без всяких доказательств данный пример к редкостным случаям сохранения истинного чтения именно во втором, худшем классе списков? Да только потому, что над ним, как и над Цецем, но в наименьшей степени – над автором старых схолий, еще не оторвавшимся от живой эллинистической эстафеты понимания и толкования Ликофрона, тяготела априорная уверенность, будто Лаомедонту здесь взяться решительно неоткуда. Хотелось бы вспомнить, однако, давнее предостережение И. Бахманна: «Не дерзал я на конъектуры, даже гадательные. Ибо понимал, что нет жребия опаснее, чем касаться ими писателя, то роскошествующего в необычайной учености, то двусмысленной игрой слов обманывающего читателя и ускользающего от

⁹ Scheer E. Die Überlieferung... S. 461.

¹⁰ Ibid. S. 463.

него»¹¹. Или как здраво писал по другому поводу сам Шеер: «Это вид интерполяций, от которого не защищен ни один писатель, чем способ выражения отличен от обычного языка»¹².

Мы убеждены, что в данном случае нет необходимости переступать через результаты формального анализа или подгонять их под предвзятые посылки. Разгадка древней формы *Laumedontos* лежит на пересечении принципов поэтики Ликофрона и фундаментальных фабульно-семантических особенностей троянских сказаний о царе Лаомедонте. Один из важнейших приемов ликофроновской номинации состоит в выявлении тех нейтрализующих зон, где мифологические образы обнаруживают наибольшую близость, так что их имена составляют единые блоки: поэт абсолютизирует, предельно расширяет эту зону нейтрализации, в неожиданных контекстах употребляя одно имя как коннотат другого. Читателю, сталкивающемуся с именем в неподходящем окружении, приходится извлекать из памяти (которой может на это и не хватить!) всю сопряженную с этим именем историко-мифологическую информацию, чтобы найти точку соприкосновения с другим именем, четко ложащимся в данный контекст. Характерный пример – полная взаимозамена имен Агамемнона и Зевса, основанная на факте локального спартанского культа Зевса-Агамемнона: вождь, ведущий греков в Азию, становится «Зевсом, соименным Зевсу Лаперсию» (ст. 1.370); напротив, Приам, гибнущий у Зевсова алтаря, назван пораженным «у надгробия Агамемнона» (ст. 335 – *amphi tymbōi t'Agamemnonos*), но здесь уже дополнительно задается второй уровень коннотаций: Приам погибает у алтаря Зевса при вступлении в город Агамемнона.

Рассмотрим под углом зрения такой поэтики возможности нейтрализации, представляемые общеизвестными сюжетными контекстами, включающими имя Лаомедонта: 1) Лаомедонт – хозяин знаменитых коней, женатый на Зевксиппе (собственно – «Запряженной кобылице», *Schol. Il. III 250* со ссылкой на Алкмана); имя его построено по той же модели, что многие эпиклезы бога-коня Посейдона; помимо приведенных выше примеров ср. *Ἰππομεδῶν* в элатейской надписи, также *Ευρυμεδῶν* (*Plind. 01. VIII 31*; *Orph. hymn. 17, II 6*); обобщивший эти данные О. Группе указал на связь Лаомедонта с посеидоновским кругом, впрочем, не идя дальше¹³; 2) Посейдон служит Лаомедонту, строящему город (в древнейшем, гомеровском варианте хранитель города Аполлон еще непричастен к его строительству); Лаомедонтова Троя – это Троя Посейдона; 3) для дочерей

¹¹ Praefatio editoris//*Lycophronis Alexandra*/Ad fidem codd. mss. recensuit... L. Bachmannus. Lipsiae, 1830. V. I. P. VII.

¹² Scheer E. *Die Überlieferung...* S. 468.

¹³ Gruppe O. *Op. cit.* S. 1146, ср. S. 1141.

Фойнодаманта изгнание в море Лаомедонтом замещает принесение в жертву Посейдону; 4) расщеплением этой пары, превращением Посейдона и Лаомедонта в противников ознаменован кризисный перелом в отношении Посейдона к городу: зверь Посейдона (по верной характеристике Ф. Шахермайера, представляющий самого бога) обрушивается на Посейдонов resp. Лаомедонтов город (образ землетрясения, разрушившего Трои)¹⁴; пара изофункциональных образов трансформируется в контрастную пару, связанную неразрывностью дополнительных функций «проступок – наказание»; бедствия Трои – это вина Лаомедонта и наказание от Посейдона; 5) аналогично по двум сюжетным линиям разворачивается предание о добыче Гераклом коней Лаомедонта: ради них Геракл побеждает чудовище Посейдона (в убедительной реконструкции Шахермайера – самого коня-Посейдона, перенесенного в параллельную ветвь троянского цикла в «вырожденном» варианте вступающего в город троянского коня); ради них Геракл побеждает Лаомедонта. Весь рассказ о Лаомедонтовой Трое – историко-мифологический блок, соединяющий имена Лаомедонта и Посейдона в неразрывную пару. Контекст Ликофрона продолжает эту серию соответствий, устанавливая избыточный параллелизм между двумя сюжетами: похищение Пелопса Посейдоном с дальнейшим отправлением юноши в Элиду и борьба между Пелопсом и царями Илиона с изгнанием Пелопса.

Все сказанное не оставляет как будто сомнений в логичности обозначения (в системе ликофроновской поэтики) гонящегося за Пелопсом троянского Посейдона именем его троянского двойника-царя. Напротив, реальность и глубина связей, опосредованных данной номинацией, настолько очевидны, что невольно возникает мысль о конгениальности ликофроновского реконструктивно-поэтического хода реальной внутренней форме соответствующего фрагмента троянской мифологии, представляющего один из многочисленных примеров соединения в единый комплекс образа божества с его «героической ипостасью... дошедшей не только до полного антропоморфизма, но даже и до забвений всякого его божественного происхождения»¹⁵. За строчкой Ликофрона может стоять подлинное свидетельство о культе Посейдона-Лаомедонта, вносящее существеннейший штрих в понимание легенд Трои. Но даже если бы мы имели дело всего лишь с ликофроновской поэтической спекуляцией, следовало бы подчеркнуть (в полном согласии с результатами текстологического анализа) необходимость восстановления в ст. 157 «Александр» даваемого древнейшими списками *Laumedontos* в качестве основного, обоснованного и

¹⁴ Schachermeyr Fr. Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens. Bern, 1950. S. 189 ff.

¹⁵ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 126.

семантически и формально чтения эпиклезы.